

die dritte von L. Suvizenko über das Schaffen von Attila József. An einer Kandidatendissertation über die Ortsnamen des Wytschegda-Flußgebietes arbeitet A. Turkin, Absolvent des Lehrstuhls, der zur Zeit an dem Komi-Institut der Akademie der Wissenschaften tätig ist. Die Absolventen des Lehrstuhls G. Kert, L. Gruzov und A. Volodin haben an anderen Instituten promoviert. An der philologischen Fakultät der Leningrader Universität wurden zwei Doktordissertationen verteidigt: E. Karhu «Финляндская литература и Россия» (1965) und L. Gruzov «Историческая фонетика марийского языка» (1967). Es muß auch erwähnt werden, daß in den letzten 5—6 Jahren am Lehrstuhl junge Finnougristen, Stipendiaten aus der DDR, aus Finnland und den USA arbeiteten. Sie sammelten Material und schrieben ihre Untersuchungen über verschiedene

Probleme der Finnougristik.

In 50-er—60-er Jahren hat der Lehrstuhl enge wissenschaftliche Kontakte zu Finnougristen in Ungarn und Finnland hergestellt. Seit 1957 arbeiteten am Lehrstuhl als Lektoren der ungarischen Sprache G. Bereczki, J. Erdödi, L. Szabó und P. Domokos. Im Herbst 1960 hielt V. Kautonen, Professor an der Universität Helsinki, eine Reihe von Vorlesungen über «Kalevala». Sein Aufsatz über die Entstehung des Epos «Kalevala» erschien in den wissenschaftlichen Beiträgen der Leningrader Universität. 1964 hielt P. Virtaranta, Professor an der Universität Helsinki, Vorlesungen über die finnische Dialektologie. Im Studienjahr 1966/67 arbeitete L. Galachova als Lektor an der Universität Helsinki.

Z. M. DUBROVINA (Leningrad)

<https://doi.org/10.3176/lu.1968.3.13>

Bárczi Géza, Benkő Loránd, Berrár Jolán, A magyar nyelv története, Budapest 1967. 600 стр.

В 1967 году вышел в свет коллективный труд трех авторов (Г. Барци, Л. Бенке и Й. Беррар, под редакцией Л. Бенке) «История венгерского языка», изданный как учебник для университетов. Некоторые особенности, отличающие эту книгу от обычных научных исследований, связаны именно с ее назначением. Как это принято в учебниках, по рассматриваемым вопросам излагаются прежде всего наиболее принятые и распространенные точки зрения. В то же время авторы не уклоняются и от освещения спорных проблем, но при этом высказывают свое согласие или несогласие с приведенными мнениями. Большое значение имеет тот факт, что каждый из авторов написал уже ряд работ по истории венгерского языка, поэтому наиболее принятой по многим вопросам считается их собственная точка зрения. В книге нет ссылок на предшествующие исследования, однако (как это принято в учебниках) каждый более или менее самостоятельный раздел снабжен перечнем научных трудов, включающим иногда несколько десятков названий. В соответствии с назначением книги мате-

риал излагается простым, доступным языком, каждый малоизвестный термин объяснен; предпочтение отдано венгерским выражениям, но иностранные международные термины обычно приводятся в скобках, например *szóelem* (*morféma*) 'морфема' (стр. 212), *szerkezeti* (*strukturális*) 'структурный' (стр. 352). Вместе с тем в работе нет никакого упрощенства, языковый материал обработан на высоком научном уровне. Таким образом, при составлении книги удачно сочетались педагогические и научные принципы оформления, поэтому она, несомненно, будет одинаково полезна и как учебник и как научное исследование.

Работа представляет собой коллективный труд, но каждый раздел написан одним из авторов. Так, перу Г. Барци принадлежат: «Введение», «Историческая фонетика», «Обобщающий обзор истории венгерского языка», «Обзор изучения истории венгерского языка», перу Л. Бенке — «Источники истории венгерского языка и метод их использования». Наиболее обширная глава «История языковых знаков» написана двумя учеными: Й. Беррар

и Л. Бенке, но и в этой главе разделы строго разделены между авторами.

Изданию учебника предшествовала многолетняя подготовка: прежде всего составление учебников, посвященных разработке отдельных разделов истории венгерского языка: G. Bárczi, *Magyar hangtörténet. Második bővített kiadás*, Budapest 1958; его же, *Magyar történeti szóalaktan I. A szótövek*, Budapest 1958; J. Bergár, *Magyar történeti mondatann*, Budapest 1957 и другие работы. Следует отметить также первый (ротационный) вариант рецензируемого учебника. Труд, затраченный на выпуск этих подготовительных учебников и учебных пособий, полностью оправдал себя. Тщательная проверка (в учебном процессе) всего материала, а также учет замечаний и предложений специалистов способствовали улучшению научных и педагогических качеств книги. По сравнению с первым вариантом некоторые разделы не только расширены, но и значительно переработаны, например, раздел «A szavak jelentéstörténete» (История семантики слов). В некоторых же местах изменены только заголовки. Так, в первом варианте один из разделов, посвященный истории гласных, назван «Az ősmagyar jelenségek» (Древневенгерские особенности), в рецензируемой же работе — «Az ősmagyar kori változások» (Древневенгерские изменения). По сравнению с первым вариантом в рецензируемой книге значительно дополнены перечни рекомендуемых литературных трудов, приложенные к соответствующим разделам. Однако нас несколько удивляет отсутствие в работе списка сокращений с расшифровками. Думается, что по сокращениям типа Gomboc, ŐM. или Benkő, Felvgr. (стр. 19) соответствующие книги с трудом найдет не только малоопытный слушатель высших учебных заведений, но и ученый, не являющийся специалистом по данной области хунгаристики. Скромно назвав свой труд учебником, авторы, по видимому, не отдавали себе отчет в том, что эта книга будет популярна и в широких образованных кругах населения Венгрии, а для зарубежных ученых послужит необходимым и ценным обобщающим справочником.

В перечень рекомендуемой литературы включены труды только венгерских уче-

ных, и это правильно, поскольку основной вклад в венгерское историческое языкознание внесли венгерские ученые. Однако вряд ли оправдано полное отсутствие в перечне названий исследований зарубежных авторов по разделам, которые посвящены изучению вопросов довенгерских языковых периодов (угорского, финноугорского, уральского). Любопытно, что в первом варианте рецензируемой книги еще изредка упоминаются труды зарубежных ученых (например на стр. 125 — W. Steinitz, *Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus*, на стр. 131 — W. Steinitz, *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*), в рецензируемой же книге эти работы уже не включены в перечень рекомендуемой литературы.

Как уже отмечалось, книга написана тремя авторами. Следует добавить, что разделы между авторами распределены весьма обдуманно, удачно согласованы основные линии раскрытия тем внутри глав и больших разделов, сами разделы расположены в строгой последовательности. Благодаря тщательной редакционной обработке стиля изложения читатель даже не замечает переходы между разделами, выполненными разными авторами.

Книга начинается с «Введения», посвященного в основном теоретическим вопросам исторического языкознания. В первой главе («Источники истории венгерского языка и метод их использования») обобщены вопросы о связях венгерского языка с родственными и неродственными языками. Во второй главе историческая фонетика венгерского языка изложена по традиционному плану: в разных разделах освещается история согласных и гласных (их квантитативные и квалитативные изменения), выявляемая на материале письменных памятников. В отличие от других глав, в которых нет таблиц, разделы о согласных и гласных снабжены обобщающими таблицами, показывающими хронологические данные по наиболее значительным изменениям согласных и гласных. Основной части в этой главе предпосланы разделы, посвященные вопросам дописьменных (финно-угорского и древневенгерского) периодов исторического консонантизма и вокализма.

Третья, наиболее обширная глава («История языковых знаков»), подразде-

ляется на два основных раздела: историческая лексикология и исторический синтаксис. Историческая лексикология состоит из следующих соподчиненных разделов: 1) история категории слов, 2) история морфем (типы основ, типы суффиксов), 3) историческая семасиология, 4) история лексики венгерского языка (древнее финно-угорское наследие; заимствованные слова; слова, созданные способом внутриязыкового творчества; характерные особенности развития лексики венгерского языка; историческая ономастика). В исторический синтаксис включены: 1) история средств синтаксических связей; 2) история синтаксических словосочетаний, 3) история типов предложений.

В четвертую главу («Обобщающий обзор истории венгерского языка») входят разделы по истории венгерского языка в различные его периоды: довенгерский, древневенгерский, старовенгерский, средневенгерский, нововенгерский. Книгу завершает приложение «Обзор изучения истории венгерского языка».

Рецензируемая работа написана на высоком научном уровне не только благодаря высокой квалификации и эрудиции авторов, но и благодаря их умению сочетать исследование фактического материала с общетеоретическими обобщениями. В большинстве случаев теоретическое осмысление вопросов только сопутствует изложению фактического материала, но почти во все большие разделы включены также специальные части, посвященные преимущественно теоретическим вопросам. Таковы, например, вопросы, рассматриваемые во «Введении» (синхроническое и диахроническое изучение языка, связь истории языка и истории общества и т. д.), и вопрос об использовании выводов общего языкознания, включенный в первую главу; проблемам формирования языковых знаков и формированию категорий слов посвящены некоторые части второй основной главы и т. д.

В рецензируемой работе ряд проблем по истории венгерского языка получил новое освещение или новое обоснование для решения. Так, на стр. 18—19 уточнены периоды развития венгерского языка и их названия. Каждый из трех основных периодов (I — довенгерский период; II — бесписьменный венгерский, или древневен-

герский период; III — письменный период) разделяется на несколько частей. Наиболее спорна, как отмечается и в книге, хронология третьего периода. Учитывая известную условность всякой языковой периодизации, автор данного раздела Г. Барци считает, что размежевание отдельных письменных периодов лучше связать с точными датами истории народа, чем с менее точными датами языкового развития. Так, старовенгерский период, по мнению автора, длится до года катастрофического поражения венгерских войск в битве с турецкими войсками у Мохача (1526), средневенгерский период — с Мохачского поражения до начала эпохи просвещения в Венгрии (1772), нововенгерский период с 1772 года до наших дней. Спорным представляется в данном случае сам принцип уточнения границ периодов; нам, например, думается, что при периодизации лучше исходить из чисто языковых фактов (хотя, естественно, неравномерное развитие языковых изменений вызывает определенные затруднения), чем из событий в истории венгерского народа. По нашему мнению, другая периодизация, согласно которой старовенгерский язык длится до середины XIV века, а средневенгерский — до четвертого квартала XVI века, приблизительно отражает границы крупных качественных преобразований в развитии венгерского языка. С другой же стороны, нельзя не согласиться с мнением Г. Барци о том, что лучше считать началом нововенгерского языка конец XVIII века, чем конец XVI века. Мы бы предпочитали назвать период с четвертого квартала XVI века до четвертого квартала XVIII века ранне-нововенгерским периодом.

Схему генеалогической классификации уральских языков (стр. 24), по нашему мнению, следовало бы несколько уточнить: современные исследования по прибалтийско-финским языкам (и прежде всего разыскания эстонских коллег) убеждают в том, что ижорский является самостоятельным языком прибалтийско-финской ветви. Учитывая существование новых литературных языков, было бы полезно указать разделение мордовских языков на мокшанский и эрзянский, коми языков на коми-зырянский и коми-пермяцкий. Мы полностью согласны с Г. Барци

в том, что некоторое время (пусть не очень долго) существовал волжский язык-основа, и считаем необоснованными сомнения некоторых языковедов по этому поводу.

Авторы книги правы в том, что суффикс *-k* множественного числа в венгерском языке восходит к финно-угорскому **-kk*, образовавшему имена от имен (стр. 400), однако сомнительна генетическая связь венгерского *k*-ового суффикса множественного числа с *k*-овым суффиксом множественного числа в прибалтийско-финских, мордовских (и тем более в саамском) языках; данный суффикс в этих языках восходит к финно-угорскому **-k*, а не **-kk*.

Мы не убеждены в целесообразности отнесения большей части морфологии к

другим грамматическим разделам (словообразования — к лексикологии, падежных и личных окончаний — к синтаксису), хотя и знаем, что авторы в данном случае следовали традиции, установившейся в составлении грамматик венгерского языка.

Замечания, которые мы сделали и которые мы еще могли бы сделать, относятся к спорным вопросам, которых немало в истории венгерского языка. Как отмечалось выше, рецензируемая работа заслуживает высокой оценки не только как учебник, но и как серьезное, глубоко научное исследование. Она по праву займет свое место среди лучших исследований последних лет по финно-угорским языкам.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

Н. И. Терешкин, Ваховский диалект хантыйского языка (Фонетика и морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1968.

15 марта 1968 г. в Институте языкознания Академии наук СССР успешно защитил кандидатскую диссертацию «Ваховский диалект хантыйского языка (Фонетика и морфология)», научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания Николай Иванович Терешкин. Нижеподписавший выступил в качестве оппонента и предлагает вниманию читателей СФУ свою рецензию.

Финно-угорские языки изучены гораздо лучше, чем языки многих других систем. Однако некоторые финно-угорские языки, а именно обско-угорские, исследованы все-таки еще недостаточно. Неудовлетворительно обстоит дело с хантыйским языком. Несмотря на то что мы имеем хороший словарь хантыйского языка с данными из разных диалектов, публикации текстов, некоторые очерки по грамматике и истории, а также целый ряд статей по отдельным вопросам структуры языка, до сих пор отсутствуют подробные данные о фонологии, фонетике и грамматической системе большинства диалектов и говоров. Хантыйские диалекты резко отличаются друг от друга, поэтому новые сведения из малоизученных или же совсем

не изученных диалектов всегда представляют большую ценность. Финно-угроведы благодарны Н. И. Терешкину за то, что он серьезно занимается исследованием диалектов своего родного языка. Им уже издан первый том «Очерков диалектов хантыйского языка», в котором отражены и основные особенности фонетики и морфологии ваховского диалекта.

Во введении к рецензируемой работе автор приводит общие данные о хантах и хантыйском языке, а также об изучении хантыйского языка и его диалектов. Дается новая группировка диалектов и говоров хантыйского языка и их общая характеристика. Этот раздел показывает, что автор знаком со всей литературой, в которой рассматриваются данные проблемы, кроме самой новой работы (E. Vértes, *Die ostjakischen Pronomina*).

Автор правильно проанализировал положения предшествующих авторов и дал им объективную оценку. Относительно введения можно все-таки отметить тот факт, что автор неправильно транслитерировал по-русски фамилии некоторых исследователей, например, *Дьярматти*, *Штралленберг*. В целом технически диссертация оформ-